

ANNALES RUSSES

REVUE MENSUELLE

РУССКІЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

под редакціей П. Н. МИЛЮКОВА

АПРѢЛЬ

XVI

П А Р И Ж

1939

«Русскія Записки», 51, rue de Turbigo, Paris.

Ч А Й К А

Было-бы несправедливо сказать, что «Чайка» лучшая вещь Чехова. Она лишь начало высших, последних годов его писания и, конечно, «В сечах», «Архирей» — ярче, совершеннее. Но судьба «Чайки» особая.

Утверждают, что в ней есть нечто от самого Чехова. Историю с девушкой, которую любит молодой, миллионерный писатель, а с ней тут-же соблазняет писатель старший, презиравший, считается взятой из жизни Чехова. Называют и имена. Чехов, будто — бы, развеял иль Третьякову.

«Неудачливый любовник в моих писаниях это всегда я», говорил Тургенев. Чехов помалкивал. Нисколько известно, неудачливым вообще он не был, но приблизительно к «Чайке» он, по-видимому, верно. Так что можно считать, что «Чайка» особенно задевала его. Он много с ней пережил: торжественная премьера в петербургской Александрийке, триумф в Москве (Художественный театр). Забавательно, что странная эта пьеса лигала в Петербурге с превосходною чайкой — Коминисаржевскою, а в Москве удалась с очень слабой Голосаковой (в той-же роли).

Юношей, сорок лет назад, в московскую премьеру видя. Мы были свидетелем очарованья. Когда занавес опустился, зрительный зал выцал в молчании. За сценой участвующие умирали со страху. Одна из актрис упала в обморок. Но молчанье оказалось драгоценным. Оно разряжалося радостной бурей.

Сила успеха была настолько велика, что театр внутренне стал под знак «Чайки». Выхинно он выразил это тем, что на западней пофестия чайку, чайкою уваривалось и всё, пенялось, его афиши. Московские люди помнят, что в вообще Художественный театр считался театром Чехова, вплоть до времени, когда в революцию был он лирически переименован в театр Горького (и показывал там в Париже такую «Анну Каренину», которая не перадокала — бы театр Чехова). Молодежь того времени признала «Чайку».

как вначале значил (то же было с писателем Гамсуна). «Как за Чайку», за «Иваном» гамсунизация, ты свою, паша».

Но тут странности: оказывалось, что пьеса, определявшая лицо и стиль театра, написанная и в общности такой отчаян, выдержала гораздо меньше представлений, чем другие пьесы Чехова (тем же). «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» прошли сотни раз («Вишневый сад» далеко и тыщей), — «Чайка» лишь десятки — кажется, не переиграла за шесть этих лет.

Однако жинуться ей во времени оказалась немалой: подавляло ощущение, что возобновлял она в Москве, Школу в Нью-Йорке. И еще больше удивлялись для пьесы, с первого представления которой на родине сожгла автор, что теперь она идет — и с новым успехом! — по-французски в Париже.

В Англии Чехова давно знают и любят. Насколько можно судить, ничто от Чехова дошло до сердца английского, что у нас не только литературный, но и живописный. Да и в Америке вышедшие похвалы русскому переводчику: «Приближается к лучшим вещам Чехова».

И Париж провозгласил Академически Чехов признан. Но знают и понимают его мало. «Ожидать лишь начинаешь знакомиться с Чеховым» (Драмах). И как будто всему следу французскому Чехов слоготипует мало. Так что самая мысль о «Чайке» для театра, т. е. дал пирожной публике, казалась по началу смелой. Но Писсаро, очевидно, рассуждали иначе, и выиграли.

Странное чувство — через сорок лет после премьеры в Москве сидеть во французском театре «Матюрэн», ожидая подвига знаменитой — в семидесятый раз — над «Mouette»! Равнодушным великим остаться.

Небольшой, карпично-коричневого цвета, уютный зал заполняется не так бурно, но основательно. Публика не варьяная, довольно скромная и культурная. Дамы, барышни. Очень много мужской молодежи. Интеллигентные женщины в роговых очках, с зачесанными назад, блестящими волосами. Всплывают портреты Чехова (Браз) — облик его сразу вводит мысленно приятную ноту: ну, вот Россия настоящая, та, что без краха и божественства что-то действительно дает — мирная наша страна.

Чайка на сцене, как и Художественном театре, идет. Но тут за сценой Москва немалая.

На московской премьеры Чайки не было. У него в это время обострился туберкулез. Приезжавши Мария Павловна (сестра его) и даже просила об отъезде спектакля, чтобы возможной неудачей не ухудшить болезнь. Спектакли, однако, не отменяли. Но автор увидел это много позже. Кажется, он отнесся к нему прохладно. Во всяком случае, очень не понравилась сама пьеса (Нина Сурбичева — Россолова) и... Станиславский (Тригорин).

Россолова просто связалась пьесой, тут историю идет. При всей малости своей Чехов выставлял даже, чтобы у ней отпал рот. Со Станиславским сужаясь, Тригорин ей дал очаровательного — но автор яхнул его пиком. Чайку хитрость Тригорина попросил (принимательный, что-ли? — и с меньшим объясним. Станиславский мало был похож, действительно, на русского биатристы 90-х годов. Он оставался (станиславским).

Писсаро совсем уж не русский писатель Тригорин, но Чехову он, может быть, и понравился-бы, пришлось — бы только признать, что все «Чайка» привнесла французский отблеск и показала себя стойким приращением, т. е. общечеловеческим ядром осталось, измывалась национальный кеслом: можно представить себя не только «французской», но и «американской», «азиатской». У Писсаро получился очень интересный образ. Сомнамбулический, вялый, являющийся близостью Тригорина при французской ерзости (и чуждой азиатизму, чем у Станиславского) он дал отлично. То, что Тригорин глорит, это тихий и беззвучный бред, он одержим, безволен и вовсе не так предельно, как Станиславский, но на своему убедителен.

Легко понять это объяснение «Чайки» во французскую одежду. Начать с языка.

Речь проны чеховской передать, разумеется, нельзя. Все — не прозрачность ее, легкость, чистота остались. Ничего большого. Шажая со своей западней — «англической» и: «Враги Силы! — пьесой отпавшей кинес» (отвечая смеха и смеху по достижает (хотя вообще Жак Фурье содейств неплот). Самая же «французская» фигура «Чайки» это Сира. Некийный Луизианский играл его рыцарем и слабым, довольно трогательным русским... сгорб барном — интеллигентом, чем судейским. Тут Сала дает серьезного французского, стирожодного, бородастого, с причудливыми «каштановыми» в шевелюре, рыцаря (то тоже неслучайно), — не то профессор, провактивавший студента, не то жеманный рабство. Фигуры замечательные.

только и настолько же верусским, поскольку не-сталинским был Сталинизм в комедии Гольдмана и не-французским в Мольерѣ.

Долгуля Пятиса (чайка) очень хороша — тиха, интуитивна, будто в себя погружена, с особенной, непередаваемой интонационной чертой — киникацией... — трогательна и являет к себе расположение. Пьер-Гэ — Тренев — тоже французский, но брат молодого андрей артельного зала в розовых очках, но прост и убедителен. Мейерхольд был рбзрн, болышеший, пудачник: смелые из него выпирали и — страшно для Художественного театра! — Мейерхольд те- ариализовал и вралство. Этот «скупой» (душевные), чловечный. Подре интантист к себе интуитивные.

Доктор Даро (Фухля, Зина) пререскодек, конечно, выте Ниш-
версала. И нем есть, правда, то же, что не удовлетворяет Чехова в
Самарском: слитном он обаятельно - молчи (русский дере-
венский врач! Но и на французского немодем).

Мини — Элен Мамсон — очень мила. Самая «русская» фигура во французском спектакле *).

Сорок лет являл нас привлекала в «Чайке» новизна, свежесть, новизна форм — то, о чем тщетно заботились Трешля. Сюжеты представляли позитивизм и цинизм зрителей на зритель (сочувствующий) и «старых» — их ворчали.

Теперь формы никаких не кажутся, пахнет Нобсиз, сыпучая, мокрая — уже испорчен. Само самозамещение девушки с чайной, случайно застреленной (Ная: «И — чайка...») не утешает, а скорее ослабляет ниссу. Время диких уток, чак отошло.

В цехом-же шеса не притягивает, живучесть ее (а значат — внутренняя правда) очень велика, и поэтому-то шестерня воспринимается сильнее. Другие злые шестерни есть, в других эпохах, другие более подходят ко душе. Художнически — радует больше такая живущая фигура, чеховский слесарня, чеховский толкач, всегда в шесте живучий. А чеховщески? Вотные жеманить сейчас людей — и тех, кто у Чехова изображен, и (через них) всех вообще. Когда-то говорили и Чеховы, что он «бесыдейский», без рук в белых перчатках, чужд-ли не холодный. Время показало, как это неверно. Он один из самых добрых в литературе людей. В «Чайке» он милосерден ко всем своим подопытным — и тем более жилось, чем

божие или вселенная. Это требует русской веры, это случается и французский. «Чайка» есть влюбь мира. Мир так нуждается в милосердии! И так нуждается в духовной поддержке! Когда мы были маленькими, то воспринимали «Чайку» (преимущественно) артистически. Теперь у мира больше раи. И сами мы, и близкие наши, хотя бы другой национальности, — все мы острее и яростнее воспринимаем эту повесть.

В четвертом действии — полетная встреча Трезюва с Чан-ки. У обоих разбитые жизни: он — неудачливый интеллект, она — полубезумная женщина англичан.

— Я теперь знаю, понимаю. Когда, где и напек дѣлѣ — во-
радно, играю на свѣтѣ какъ напек — главное не слова, не
блеск, не то, а что я жила, а ухитрюсь терпѣть. Умѣю песть свѣдѣ-
нствъ и злуду. Я люблю, я мѣю не такъ болѣе, и когда я думаю о
своемъ призваніи, то не боюсь жизни.

Театр хвалит — змалював потишним положеніям, одержавши
плату — багати Зиндмані Пяковські доходить, що не єв гроб» сыглате

Хорошо! Осьмы хороши. Пусть пыхающие люди слышат настоящий русский язык. Будущее с живыми физическими инстинктами, инстинктами мышления, инстинктами интеллигентности, обаяния девушки, страсти, инстинктами женщины — он даст «Чайку» глоток свежего воздуха.

«Меня забудут через семь лет», говорил Чехов. Нам это хорошо приходить лишь лет через семь забвения не замечая.

[illegible]

Еор. Закуев

*): К. Євдокієвич, а не видіст М. Н. Германову в Архандіноі.